
Философско-методологические проблемы

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАРТИНЫ МИРА СУБЪЕКТА¹

В.Ф. ПЕТРЕНКО

Петренко Виктор Федорович — заведующий лабораторией факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна за цикл исследований в области психосемантики сознания.
Контакты: pit@aha.ru

Резюме

Проблема картины мира восходит к И. Канту и выступает как проблема категорий сознания, в которых структурируется, упорядочивается опыт субъекта познания. Картина мира — интегральное образование, определяющее поведение человека и включающее не только когнитивные, но и ценностные, эмоциональные аспекты. Картина мира субъекта раскрывается через становление самого субъекта в широком контексте его смыслообразования, «еще не ставшего бытия», в контексте мало изученной категории судьбы. Обсуждаются психосемантические техники анализа картины мира, а также эксперименты с использованием гипноза.

«Картина мира — интегральное понятие», вбирающее в себя различные содержательные локусы восприятия мира. Человек строит модели различных аспектов действительно-

сти, начиная с образа самого себя, других людей, социальных систем и кончая моделями Мира, включающими смысл его существования. «Карта не есть территория», и образ

¹Исследования проводятся при финансовой поддержке РФНФ, грант № 03-06-00290.

мира не есть слепок с физической действительности. В картину мира входят и научные знания, и житейский опыт субъекта, жизненные ценности культуры, к которой он принадлежит, и личностные смыслы самого субъекта, индивидуализирующие его мировосприятие.

Согласно принципу «единства сознания и деятельности» С.Л. Рубинштейна или «основному постулату» Дж. Келли, гласящему, что поведение субъекта канализируется по руслу тех конструктов, в рамках которых происходит антиципация событий, картина мира субъекта определяет его поведение.

Так, для того чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные фигуры сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря; крестьяне, имеющие свое отношение к земле и труду, погруженные в мир представлений сельской общины и ее традиционный уклад; наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий.

Для того чтобы существовало социалистическое общество советского типа (эпохи развитого социализма), необходима особая форма «двоемыслия» (Дж. Оруэлл) или «кентаврического сознания» (М. Мамардашвили), при котором нормы поведения граждан определяются не декларируемыми и закрепленными в конституции правами, а некими негласны-

ми правилами, нарушение или даже попытка обсуждения которых карается «компетентными органами» — этой инквизицией XX в.

Областью психологической науки, изучающей картину мира индивидуального или коллективного субъекта, является экспериментальная психосемантика.

Психосемантика исследует генезис, структуру и функционирование индивидуального или общественного сознания, его ведущей образующей — значения. Формой фиксации значения как «единицы, связующей общение и обобщение» (Л.С. Выготский), «формы, в которой кристаллизован общественный опыт» (А.Н. Леонтьев), «системы дифференциальных признаков соотношения с различными видами взаимоотношения слов в процессе реальной речевой деятельности» (А.А. Леонтьев), «идеальных конструкций, моделей, в которых представлены формы обобщений совокупного общественного опыта» (В.Ф. Петренко), могут выступать в первую очередь слова естественного языка, а также знаки, символы, изображения, выразительные движения, формы ритуального поведения и т. д. в их инвариантном для различных индивидов данной культуры социально-нормированном смысле.

Психосемантика, как и родственная ей психолингвистика, исследует формы существования значения в человеческом сознании, но если интерес психолингвистики сосредоточен в первую очередь на проблемах порождения речевого высказывания (см.: Леонтьев, 1965, 1997; Залевская, 1990; Ушакова, 2004) то психосемантика главным образом рассматривает содержание сознания субъекта, его

картину мира, включающую как осознаваемые, так и неосознаваемые пласты ментальности. Возникнув в середине 1970-х годов, отечественная психосемантика была главным образом представлена работами психологов Московского университета (Петренко, 1983, 1988, 1997; Шмелев, 1983, 2002; Артемьева, 1999; Похилько, Федоров, 1984). Экспериментальная парадигма психосемантики в основе своей заимствована из работ по построению семантических пространств Ч. Осгуда (так называемый метод семантического дифференциала) и теории личностных конструктов Дж. Келли (метод репертуарных решеток) и включает использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта. Хорошо известный в России американский психолог Майкл Коул отмечает: «Петренко заимствует американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л.С. Выготского» (Cole, 1993). Действительно, методология школы Выготского — Леонтьева — Лурии определяла теоретическое становление психосемантики.

Психосемантика, являясь областью психологии, имеет тем не менее ярко выраженный междисциплинарный аспект, переключаясь с философией и культурологией (см. работы В.С. Степина о категориальной структуре сознания, А.Я. Гуревича о категориях средневековой культуры), языкознанием (модель Смысл — Текст И.А. Мельчука, лексическая семантика Ю.Д. Апресяна, представления Ю.Н. Караулова о «языковой личности», Ю.С. Степанова о «трехмерном

пространстве языка»), социологией (работы С. Московичи о социальных представлениях, П. Бурдьё о социальном пространстве), информатикой (работы Д.А. Поспелова о формах репрезентации знаний).

В современной психологической науке общепринятым является положение об опосредованном и обобщенном характере восприятия и сознания (см.: Выготский, 1934; Брунер, 1977; Леонтьев, 1977), так как, сталкиваясь с неким единичным объектом, событием или живым существом, субъект восприятия неизбежно категоризирует его, т. е. соотносит его с неким обобщенным эталоном, стереотипом или «типажом» (т. е. разными формами значения), в которых фиксирован обобщенный и усвоенный субъектом общественный опыт взаимодействия с этим классом объектов. Таким образом, единичное воспринимается и оценивается через призму содержания некоего множества, в которое входит это единичное, и признаки, качества, характеристики, которые приписываются, атрибутируются всему этому классу, переносятся и на восприятие единичного, с которым субъект мог и не иметь опыта взаимодействия. Например, возвращаясь поздно вечером домой и увидев фигуру идущего навстречу незнакомца, человек может испытать совершенно разные переживания, хотя у него и не было опыта взаимодействия с этим человеком. В зависимости от внешнего вида, одежды, манеры держаться и даже походки встречный человек может быть «категоризован», т. е. отнесен к тому или иному типу (например, «усталому работяге», «пожилому пенсионеру» или «крутому братку»), и исходя из

индивидуального опыта взаимодействия с данным типом людей и, возможно, из знаний, почерпнутых из литературы либо просмотра художественных фильмов или телепередач, человек строит стратегию своего мимолетного взаимодействия с этим прохожим, спокойно пройдя мимо одного, напряженно отодвинувшись от другого и, возможно, приветливо кивнув головой третьему или прикурив у него сигарету.

В процессе категоризации на единичное проецируются типовые характеристики (в том числе и поведенческие) того класса объектов, к которому относится это единичное. Об апперцепции как о наложении следов памяти на актуально воспринимаемое размышлял еще В. Вундт.

Другой важной особенностью восприятия является имманентная (имплицитная) позиция наблюдателя, скрыто присутствующая в конструируемом образе. Локк писал о первичных качествах (типа временной и пространственной протяженности) и вторичных качествах (типа громкости звука или ощущения вкуса), а епископ Беркли ставил проблему: как можно было бы помыслить мир, если из него убрать наблюдателя (каков мир, когда мы спим?). Потрясенный перспективой мира без звука, света, запаха и пр., он постулировал необходимость бытия Бога как абсолютного наблюдателя, в чьем восприятии мир продолжает существовать в привычных формах и без присутствия человека.

В современной науке имплицитное присутствие позиции субъекта в восприятии и осознании мира разрабатывалось Жаном Пиаже в его операциональной теории интеллекта

(1966). В лингвистике А. Вежбицкая (1983) полагает, что за внешней формой безличного предложения типа «Дождь идет» стоит свернутое описание восприятия некоего наблюдателя, в некоем конкретном месте и времени наблюдающего данный природный процесс и категоризирующего его в этой лингвистической форме. Нет безличного (в нашем случае скорее бессубъектного) восприятия, знания или осознания. В описании окружающей физической и социальной действительности, событий собственной жизни и жизни других людей имплицитно присутствует позиция наблюдателя, можно даже подчеркнуть — пристрастного наблюдателя, ценностные ориентации, системы мотивов и культурно-исторические формы категоризации которого обуславливают то содержание, которое он способен выделить из многообразия наблюдаемого мира. Современный конструктивизм трактует образ мира человека (в отличие от теории отражения) как некую построенную субъектом (на основе усвоения культуры и с помощью других людей) плюралистическую модель, характеризующуюся не степенью истинности (ибо неясно, что является носителем последней), а мерой адекватности бытию и собственным целям, рядоположную моделям мира других людей, доступную трансформации, целенаправленной коррекции и развитию.

Человеческое поведение при этом рассматривается не как реакция на предметную или социальную ситуацию, а скорее как вопрос, который субъект задает миру в целях понять мир и себя и, соответственно, построить адекватный образ мира.

Образ мира включает систему ценностей субъекта (например: «быть богатым и здоровым лучше, чем бедным и больным», «счастье в борьбе», «жизнь прекрасна», — здесь возможна высокая вариативность в зависимости от культуры и религии, к которым принадлежит субъект); знание неких глобальных принципов (например: вещи не появляются из ничего и не исчезают бесследно, событие имеет некую причину, предметы падают вниз, а не вверх, прошлое невозможно вернуть, и время течет в одну сторону). Эти принципы, как правило, плохо рефлексированы субъектом и присутствуют в картине мира как нечто «само собой разумеющееся», задавая концептуальную рамку восприятия. Подчас необходимо «яблоко» Ньютона или «эврика» Архимеда для осознания этих принципов и экспликации их в культуре в форме «законов природы или общества». Наиболее общие принципы оперируют наиболее общими значениями (или «категориями»), которые имплицитно присутствуют в более частных (например, категория времени присутствует в качестве архисемы в понятиях «вчера», «сегодня», «утро», «полдень», «год» «столетие», в глаголах «расти», «развиваться», «умирать», «уснуть» или «проснуться», в наречиях «быстро», «медленно» и т. д., т. е. везде, где присутствует действие или изменение состояния).

Категории сознания задают «концептуальную рамку» восприятия мира, в контексте которой строятся более частные, так называемые «имплицитные теории» или «имплицитные модели» (см.: Bruner, Tagiuri, 1954), т. е. слабо упорядоченные и плохо ре-

флексируемые формы организации знаний субъекта в различных содержательных областях его обыденного сознания и житейского опыта.

Проблема образа, картины мира восходит к Иммануилу Канту и выступает как проблема категорий сознания, в которых структурируется, упорядочивается опыт субъекта познания. Культурно-исторический аспект этой проблемы, трактуемый как обусловленность содержания категорий сознания контекстом эпохи, в которую погружен субъект, развивался В. Гумбольдтом, К. Марксом, О. Шпенглером. В отечественной философии, психологии, культурологии исследование категориальной структуры сознания представлено в первую очередь работами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили, В.С. Степина. «Преобразование объектов в человеческой деятельности является главным определением самого человека, выражением его сущности и основанием человеческого мира. Поэтому категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность, выступают в качестве базисных структур человеческого сознания. Они универсальны, поскольку любые объекты могут стать предметами деятельности и в любых объектах обнаруживаются атрибутивные характеристики, которые развивающаяся практика и познание выявляют в предметном мире и фиксируют в форме категорий» (Степин, 1986, с. 43). К наиболее общим, базисным категориям относятся категории материи, пространства, движения, вещи, свойства, количества, качества, меры, формы, содержания,

причинности, случайности, возможности, необходимости и др. Категории как наиболее общие формы значений (понятий), выступающие родовыми терминами, метаязыком по отношению к более частным значениям, являются понятийным аппаратом самой философии, создающим возможность рефлексии и описания ее содержания.

Являясь понятиями метауровня, категории образуют систему связей и отношений с другими категориями этого уровня и конкретизируют свое содержание в рамках этой целостной системы. В то же время категории имеют собственную сложную семантическую организацию и в отношениях с другими категориями выступают как «текст в тексте». Семантически категория представляет собой свернутую в одно понятие целостную систему представлений, знаний, выработанных человечеством, о некоторой содержательной области. Например, категория времени вбирает в себя представления теории относительности о взаимоотношениях пространства и времени, космологические представления об эволюции материи, биологические сведения о времени жизни организма, представления о психологическом времени личности, об историческом времени и т. п.

Наличие системных связей категорий высшего уровня, образующих категориальную матрицу, ее проработанность и рефлексия выступают организующими факторами для установления отношений и взаимосвязей содержательных пластов каждой конкретной категории, позволяя реализовать принцип методологического управления в организации каждой конкретной науки. Если философская категория может предста-

влять собой понятийное образование, разворачивающееся в достаточно стройную систему взаимосвязанных суждений и представлений по поводу той или иной атрибутивной характеристики бытия, то категории обыденного, житейского сознания представляют собой синкретические, расплывчатые обобщения, а в качестве их носителя могут выступать образы, символы, поэтические метафоры.

Даже в относительно развитых философских системах античности, пишет В.С. Степин, многие фундаментальные категории несут на себе печать символического и метафорического отражения мира («огнелогос» Гераклита, «Нус» Анаксагора) (Степин, 1986, с. 50). Еще более расплывчаты и метафоричны категории древнеиндийской и древнекитайской философии. «Никто не может дать определение *дхармы*. Ее переводят и как "закон", и как "элемент бытия". У каждого существа своя *дхарма* — всеобщая и единичная (сущность неотделима от явлений). Вы не найдете двух одинаковых определений *дао* у Лао-цзы, двух одинаковых толкований *жень* или *ли* у Конфуция — он определял *ли* в зависимости от того, кто из учеников обращался к нему с вопросом» (Григорьева, 1979, с. 75).

Категории, как и человеческое сознание в целом, находятся в постоянном развитии. К. Маркс писал: «...даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для

этих условий и в их пределах» (Маркс, Энгельс, т. 46, с. 42). В работе А.Я. Гуревича (1972) приводится множество ярких примеров различий в представлениях человека средневековой Европы и современного человека индустриального общества. «Мы имеем в виду, — пишет А.Я. Гуревич, — такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода "модель мира" — ту "сетку координат", при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (Гуревич, 1972, с. 15).

Наряду с объектными, базисными категориями рефлексирующее сознание выделяет категории, отражающие субъект-субъектные отношения, атрибутивные характеристики социального бытия человека.

В философии экзистенциализма до уровня мировоззренческих философских категорий поднимаются такие эмоции и психологические состояния, как чувства вины, сопричастности, страх, одиночество и др.

Грань между категориями-понятиями философского, научного сознания и категориями-значениями обыденного, житейского сознания достаточно условна. Последние, развиваясь и обрстая системными связями и отношениями, могут подниматься до уровня понятийных форм. Спецификация категорий как наиболее общих и емких значений заключается в системной организации их

содержания, а не в формах их репрезентации (образной или знаковой). Поэтому в психологии используют термин «категориальные структуры» применительно и к сфере восприятия, и к области понятийного, вербального мышления. Так, Дж. Брунер (1977) называет перцептивными категориями целостные перцептивные гипотезы, свернутые до некоего единичного перцептивного эталона, определяющего построение и распознавание образа.

В лингвистике описание содержания вербального сознания выступает как проблема построения словаря базисных смыслов (Апресян, 1995; Мельчук, 1974), структура которых в виде семантических графов позволяет отобразить его содержание, или как проблема построения пространства языкового сознания личности (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов). В психологической науке наиболее разработанной формой репрезентации содержания индивидуального и общественного сознания выступают так называемые семантические пространства (см.: Петренко, 1997; Петренко, Митина, 1997; Petrenko, Mitina, 1997; Шмелев, 2002), техника построения которых восходит к методу семантического дифференциала (Semantic Differential) Ч. Осгуда и репертуарным решеткам (repertory grid technique) Дж. Келли.

Остановимся на этом подробнее, рассмотрев для начала понятие семантического поля. Понятие семантического поля ввели еще неогумбольдтианцы-лингвисты: Й. Трир, В. Порциг, Л. Вайсгейбер (см.: Щур, 1974; Ушакова, 2004); под семантическими полями они понимали ассоциативно связанные значения. Согласно

Вильгельму Гумбольдту, через анализ этих полей, через «внутреннюю форму» слова можно описать, реконструировать дух народа. Таким образом, с одной стороны, это был лингвистический подход, с другой — культурологический, заключающийся в движении к менталитету нации через «внутреннюю форму» слова, через семантические поля и т. д.

Для иллюстрации понятия семантического поля (однако не на лингвистическом, а на психологическом материале и на примере более современного исследования) можно привести эксперименты А.Р. Лурии, О.С. Виноградовой (1971), посвященные реконструкции этих полей «объективными» методами, основанными на генерализации условного оборонительного или ориентировочного рефлекса. В чем суть этих методов? Испытуемым предъявляются различные слова, и некоторые из них подкрепляются ударом электротока. Например, предъявление слова «скрипка» сопровождается таким ударом. С помощью ряда приемов можно зафиксировать возникающие ориентировочные и оборонительные реакции человека. Один из способов — так называемая плетизмограмма: на палец испытуемого надевается колпачок, и поскольку в ситуации любого эмоционального напряжения или ориентировочной реакции происходит сжатие капилляров периферии, то можно зафиксировать изменение давления внутри этого колпачка. Визуально палец у нас не уменьшается, тем не менее манометр фиксирует изменение давления внутри колбочки, и можно построить кривые плетизмограммы, описывающие динамику эмоциональных реакций

субъекта. Или другой способ — методика Форе: на ладонь испытуемого накладывается пара электродов, между которыми пропускают слабый (порядка 1–2 вольт) ток, и фиксируется так называемая кожно-гальваническая реакция, заключающаяся в том, что при любом эмоциональном напряжении меняется сопротивление кожи, и таким образом можно зафиксировать ориентировочную реакцию. А.Р. Лурия использовал плетизмографический способ фиксации ориентировочной и оборонительной реакции. Он их различал тем, что при ориентировочной реакции сужаются сосуды периферии и расширяются сосуды мозга, а при оборонительной — происходит сужение и тех, и других.

Можно использовать самый простой способ записи, фиксируя только оборонительные реакции как показатель эмоционального напряжения. Так, например, если подкреплять током слово «скрипка» или «виолончель», то человек будет давать оборонительную реакцию и на слова «музыка», «концерт», «звук», т. е. на то, что производят эти музыкальные инструменты, и на слова «консерватория», «филармония», т. е. на то, где эта музыка производится, и на «маэстро», «скрипач» — тех, кто музыку производит, и на слова «струны», «смычок», «дека» — части этого музыкального инструмента и т. д. Понятно, что в этом семантическом поле оказываются слова, ассоциативно связанные с ключевым (подкрепляемым током) по разным основаниям. Существует принцип «ассоциативной связности» Хольга, согласно которому слова-ассоциации связаны со словом-стимулом по одному или нескольким се-

мантическим признакам. В методике «семантического радикала» Лурии, Виноградовой в семантическое поле попадают слова как бы «в навал», взятые из разных содержательных классов и связанные по какому-то признаку с ключевым словом.

С появлением факторного анализа (а затем и современной компьютерной техники) стало возможным «расслоить» семантическое поле по «чистым линиям»: это лексика на тему музыки; это — где она исполняется; это — кто ее исполняет; эти слова описывают части — элементы музыкального инструмента и т. п. За каждым фактором стоит какой-то конкретный семантический признак — основание категоризации. Множество оснований категоризации, используемых испытуемым-респондентом, образует категориальную структуру его сознания той или иной содержательной области. При геометрическом представлении семантического пространства эти категории-факторы задают координатные оси некоего многомерного семантического пространства, где анализируемые значения описываются через их координаты в этом пространстве, а срезы семантического пространства представляют собой содержательно однородные семантические поля.

Лурия назвал свой метод построения семантического поля методом «семантического радикала» и использовал его для исследования динамики актуализации знаний и анализа процессов мышления. Достоинством этой методики является то, что испытуемый, как правило, не осознает принципа, по которому осуществляется подкрепление током некоей содержательной области, но на не-

сознаваемом уровне актуализирует ассоциативно связанные с ней значения.

Мышление, по мнению А.Р. Лурии, на девять десятых протекает на неосознаваемом уровне психического. Я в своих работах также использовал этот метод для исследования динамики формирования «искусственного понятия» (Петренко, 1975), где, применяя технику семантических срезов с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда и семантического радикала А. Лурии, описал возникающие рассогласования в процессе мышления на сознательном и на бессознательном уровнях и показал возможность построения адекватной классификационной структуры (решения познавательной задачи) на неосознаваемом уровне.

Близкие по феноменологии данные мы получили в совместном с В.В. Кучеренко исследовании, посвященном влиянию постгипнотической инструкции на процессы категоризации. Если ввести испытуемого в глубокий гипноз и дать команду выполнить какое-нибудь действие, то испытуемый, выйдя из состояния транса, как правило, не помнит того, что с ним было в гипнозе, и тем не менее выполняет инструкцию-приказ экспериментатора. Например, в знаменитых фрейдовских экспериментах испытуемым внушалась необходимость совершить некие бессмысленные действия, например, открыть зонтик и пройтись с ним по комнате. Испытуемый совершал требуемое, но на вопрос: «А зачем вы это сделали?» — искренне отвечал, что по собственной инициативе решил проверить исправность зонта на случай дождя. Этот феномен домысливания

рациональных мотивов собственных действий, истинная причина которых внушена испытуемому и не осознается им, был назван Фрейдом «феноменом рационализации».

Мы с В.В. Кучеренко в своих исследованиях также работали с постгипнотическим внушением, исследуя его влияние на функционирование сознания испытуемого. Так, если дать в гипнозе запрещение видеть какой-то объект, то человек, выйдя из гипноза, действительно не будет его видеть. Однако он не увидит не только «запрещенный объект», но и другие, семантически связанные с ним объекты. Если запретить видеть сигареты, то человек может не видеть пепельницы, полной окурков, спичек, зажигалки или, относительно последней, забывать ее предназначение (ее предметную функцию). Зажигалку человек вертит, крутит: ...что за странный «цилиндрик», непонятно, для чего? Возникает своеобразный разрыв между номинализацией (вербальным ярлыком) и образом. Например, испытуемому предлагается представить «табачный киоск». Он, сам курящий, не в состоянии представить табачный ларек. Может визуализировать овощной ларек, киоск «Союзпечать», но никак не может представить «табачный». Ему говорят: «Ты можешь представить киоск!» Испытуемый с большим трудом что-то представляет. Спрашивают: «Что там продается?», он отвечает: «Брелки для ключей, талончики на бензин» и т. д., т. е. всякий сопутствующий хлам. Сигареты же он визуализировать не может.

Этот эксперимент может быть интересной иллюстрацией того, что су-

ществует как бы два пласта «отражения» — видение и осознание.

В одном из экспериментов мы в рамках постгипнотической инструкции запретили испытуемому видеть конкретного человека. Этот человек находился в комнате, где проводился эксперимент, но испытуемый вел себя так, как будто этого человека в помещении нет. Через некоторое время последнему надоело «быть невидимым», он взял электробритву и стал бриться. Испытуемый буквально измучился, пытаясь понять, откуда идет непонятный звук, так как он не видел человека, держащего бритву, а шум слышал. Его ужасно мучила непонятность происхождения звука; его источник, будучи вещью в руках «невидимого» человека, был ему также невидим. Но если этот «невидимый» человек становился на пути идущего по комнате испытуемого, то последний (напомним, уже вышедший из гипнотического транса, но еще находящийся под влиянием постгипнотической инструкции) останавливался, лицо его, вначале изумленное, начинало приобретать характерное выражение сомнамбулы, и он впадал в глубокий транс. Таким образом, вероятно, он все же видел другого человека, ведь он не пытался пройти сквозь него, не «протыкал» его. Он видел его... но не осознал.

Если запрещенный объект возникает как преграда, то появляется противоречие между невозможностью его осознания и необходимостью реакции на него как на физический объект. Нерешаемость проблемы ведет к тому, что испытуемый как бы «отключается», он входит в глубокий транс (возможно, тем самым снимая

это противоречие). Неразрешимое противоречие — возможная причина погружения в транс, вспомним технику коанов в дзен-буддизме как средство выбить ученика из привычных форм категоризации мира и ввести в измененное состояние сознания.

Исследуя сознание человека с постгипнотической инструкцией, мы проводили ассоциативные эксперименты. Оказалось, что в ассоциативном эксперименте человек не воспроизводит некоторые слова. У него как бы вырезаются из памяти слова, целые пласты лексики, связанные с объектами, видение которых запрещено, т. е. осознание связано с тем, что есть некоторые знаковые формы, несущие значения, посредством которых мир репрезентирован субъекту. Блокируя их, мы блокируем и осознание. Идеи И.П. Павлова о первой и второй сигнальной системе находят здесь свое косвенное подтверждение.

Эту трактовку сознания как своеобразного перекодирования воспринятого и пережитого в знаковые формы мы находим еще у Гегеля. В ощущениях, эмоциях, по мнению Гегеля, нет противопоставления субъекта и объекта, мир задан, растворен в переживании. Выразив эти переживания в знаковой форме, мы отчуждаем воспринятое от субъекта и противопоставляем ему. В этой отчужденной от чувственности субъекта форме содержание может быть вторично воспринято — осознанно. Этот вольный пересказ Гегеля подводит нас к семиотической трактовке сознания, понимание сознания как своеобразной формы «знакового восприятия».

Осознано, по мнению М.М. Бахтина (1979), может быть то, что мо-

жет быть передано, сообщено другому в плане внешней коммуникации или в акте автокоммуникации, т. е. самому себе.

Осознание — это своего рода восприятие в знаковой форме. Когда мы даем запрещение на восприятие какого-то объекта, то фактически с помощью постгипнотической инструкции вырезаем какие-то языковые значения, посредством которых осуществляется осознание. Человек продолжает видеть вещь, но не осознает ее. Своеобразный такой феномен — видение без осознания.

Это иллюстрация представления о том, что сознание реализуется как некоторая семиотическая система вторичного отображения. Динамику мыслительного процесса А.Р. Лурия представлял как сложную систему взаимодействия семантических полей, семантических пространств, развертывающуюся в основном на неосознанном уровне.

Но кто является субъектом этого процесса мышления? И есть ли он — субъект? Или же следует говорить, согласно Джеймсу, о мышлении процессуально: не «"я" мыслю», а «мыслится», «воспринимается», реализуется некий процесс, исследуя который, мы будем описывать законы этого процесса, а не «мифического» субъекта.

И здесь мне бы хотелось подчеркнуть одну мысль, полемизируя с определенными представлениями, согласно которым человеческий мозг или сам человек рассматриваются скорее не как субъект мыслительной деятельности, конструирующий модели мира, а как некий индуктор, принимающий какие-то уже готовые идеи. Об этом подробно писал

Н.Н. Налимов (1989) в рамках представлений о семантической вселенной и т. п. На наш взгляд, это некий вариант неоплатонизма, в котором субъект не открывает, не конструирует новые идеи, а, подобно приемнику, способен в той или иной мере настроиться «на волну» и узнать что-то неизменное, вечное, уже существующее в мире.

Здесь я бы хотел заострить один аспект, на мой взгляд, весьма важный, который, собственно, очень сильно отдаляет друг от друга модели искусственного интеллекта и ту систему знаний, которой обладает человек. Все эти семантические пространства, тезаурусы, семантические сети и фрейм есть лишь статичные формы репрезентации знаний. Субъект же не извлекает знания из неких статичных хранилищ, где они складированы в неизменном виде. Опыт, прошлое знание существуют в контексте настоящего, мотивов, целей, задач, стоящих перед субъектом. Как полагал еще Плотин, прошлое и будущее существуют для субъекта только в контексте настоящего.

В зависимости от эмоциональных состояний субъекта, его мотивов, личностных установок и т. д. совсем по-разному актуализируется система ассоциативных связей между отдельными значениями, которые организуют индивидуальный тезаурус. Наши исследования (Петренко, 1983) о влиянии аффекта на размерность семантических пространств позволяют понять эмоции как своеобразные операторы процесса категоризации, меняющие «кривизну» семантического пространства и уровень категоризации. Так, при сильной эмоции, аффекте уменьшается размерность се-

мантического пространства и субъект как бы переходит на более глубокие уровни категоризации, переходя от опоры на денотативные признаки к более коннотативным. В пространствах меньшей размерности легче устанавливать связи между объектами, какими-то реалиями, которые на поверхностном уровне принадлежат совсем различным семантическим понятийным классам, а на глубинном уровне они имеют сходную коннотацию и фактически выступают как коннотативные синонимы или антонимы. Мир становится менее дифференцированным, но зато более компактным; все со всем взаимосвязано.

В основе метафоры лежит соответствие между объектами на глубинном (коннотативном) уровне категоризации. Если я называю девушку «березкой», то не подразумеваю, что она деревянная, а устанавливаю соответствие на основе сходства, коннотативного кода: стройная, нежная, чистая, весенняя и т. д. Перевод процесса категоризации на более глубокий коннотативный уровень делает индивидуальный тезаурус знаний менее конкретным, но более всеохватывающим, емким. Проведем следующую аналогию. В книге В.А. Московича «Информационные языки» (1971) анализировалась взаимосвязь степени формализованности искусственного языка (однозначности соответствия плана выражения и плана содержания) и точности поиска запроса некоего содержания в большом информационном массиве (например, в библиотечном деле). Так вот, при большей формализованности искусственного языка, достигаемого в первую очередь за счет формализации

отношений между понятиями (т. е. синтаксиса), достигается большая адресность поиска: находится узкий круг литературы, прямо связанной с содержанием запроса. При менее формализованных искусственных языках находится больший объем литературы, включающий как материал ассоциативно связанный с содержанием запроса, так и не относящийся к делу «мусор».

Можно провести аналогию с естественными языками. В китайском языке, менее формализованном за счет его иероглифичности, в сравнении, например, с немецким, существует меньшее количество служебных элементов (суффиксов, префиксов, падежных форм), задающих отношения между понятиями. Например, речевая конструкция «покупаемая в магазине книга» будет выглядеть как сочетание иероглифов: «книга», «магазин», глагол «покупать», а отношения между этими понятиями будут «домысливаться» на основе их содержания, т. е. реконструироваться семантически.

Конечно, различие между китайским и, например, немецким по степени формализованности несопоставимо меньше, чем между коннотативным (глубинным) и денотативным (понятийным или поверхностным) уровнями категоризации, тем не менее можно провести некую аналогию и вспомнить чеканную точность языка классической немецкой философии или однозначность языка эмпирической английской философии и поэтическую дымку, недосказанность, рождающую множественность интерпретаций китайских, японских, корейских танка, хайку; масляную живопись классического западного ис-

кусства и тонкую расплывчатость акварели Востока. Четкость и однозначность в оппозиции множественности и ассоциативности.

Продолжая рассуждения на эту тему, можно переформулировать идеи Фрейда о вытеснении аффективно окрашенного содержания в бессознательное, рассмотрев этот процесс как перевод некоего эмоционально-насыщенного, а значит, жизненно важного содержания на более глубокий уровень категоризации. Этот глубокий уровень позволяет устанавливать более широкий спектр семантических (ассоциативных) связей для «бессознательного осознания» (в психологии нет нужного термина для обозначения процесса структурирования некоего системно-целого, не репрезентированного непосредственно сознанию субъекта, но представленного в форме символов), или скажем так: для «работы переживания» (см.: Василюк, 1995) в целях включить эту аффективную информацию в более широкий жизненный контекст и переработать ее. Это «осознание» коннотативного уровня отображается затем на поверхностном в форме поэтической метафоры, символики сновидения, в гротесках живописи.

Помимо, так сказать, вертикального движения по уровням категоризации, эмоции влияют и на саму семантическую организацию знания, на его содержание. Эмоциональное состояние самого субъекта или наличие эмоциональной окраски какого-то элемента семантического поля ведут к тому, что система ассоциативных связей перестраивается. Семантические пространства не являются, грубо говоря, железобетонными хранилищами

знаний, из которых они извлекаются, но сами эти пространства производны от того содержания, которое актуализируется в контексте стоящей перед субъектом задачи, от его мотивов и эмоциональных состояний.

Так, в гипнозе мы задавали различные эмоциональные состояния человеку, и при последующем шкалировании понятий возникали различные семантические структуры. Задаешь чувство вины — одни семантические гештальты образуются, задаешь эйфорию — другие и т. д. Эта база знаний оказывается гораздо богаче базы данных за счет того, что эмоциональное состояние, в котором находится субъект, как бы увеличивая значимость тех или иных семантических компонентов, которые релевантны, резонансны в данный момент этому состоянию, порождает совсем иные гештальты и узоры когнитивных структур, делая исходную базу знаний человека на порядок богаче.

Таким образом, эмоции позволяют на разном уровне группировать материал, и классификация на поэтическом уровне совсем иная, чем на понятийном. Процесс мышления может осуществляться на разных уровнях категоризации — от глубинных, эмоционально-образных обобщений, языком которых говорит бессознательное, сновидения, до понятийных, концептуальных форм знания. На глубинном уровне мы можем устанавливать какие-то поэтические аналогии и обеспечивать очень дальние ассоциативные связи, на понятийном мы работаем как бы скальпелем, но с более узким обзором. С другой стороны, не только уровни категоризации определяют когни-

тивное структурирование, но и те или иные эмоции выступают своего рода операторами классификаций. Можно сопоставить их с кривыми зеркалами, где в зависимости от эмоционального состояния, в котором мы находимся, они меняют кривизну семантического пространства и тем самым устанавливают иные ассоциативные связи. Мир влюбленного человека, мир пьяного человека, мир человека в отчаянии — разные миры. Актуализируются разные системы ассоциативных связей, по-разному структурируется информация, разные индивидуальные тезаурусы возникают.

И в этом плане подчеркнем, что никакая база данных в «искусственном интеллекте» не несет в себе эмоциональной окраски. Она неизменна и тасуется, как колода карт.

Никакая искусственная техническая система не в состоянии смоделировать простейшую форму эмоционального — боль. Не в плане имитации болевой реакции, а в плане феноменальном — переживания чувства боли. Искусственный интеллект как техническая система, моделирующая человеческое сознание, на наш взгляд, не реализуема из-за невозможности создания «искусственных эмоций» и «искусственных ощущений». Экспертные системы, создаваемые в рамках «искусственного интеллекта» как некоей научной области, уже имплицитно несут эмоции и человеческую «пристрастность», контрабандно внесенную суждениями экспертов — специалистов в той предметной области, которую эта система обслуживает.

Проблема личностного знания, преодоления «безличностной» эпис-

темологии» ставится представителями постпозитивистского направления философии (Т. Кун, М. Полани, С. Тулмин), неклассической философии (В. Степин, Н. Герасименко, А. Назаретян). На языке психосемантики эти идеи находят свое операциональное выражение в феномене подвижности семантических пространств, в их производности от задач, стоящих перед субъектом, от его мотивов, эмоций, в широком смысле — от его личности.

Но если мы говорим, что семантические связи семантических пространств, тезаурусов, производны от наших эмоциональных состояний, то фактически мы утверждаем, что в процессе мышления оказывается задействована вся эмоционально-потребностная сфера субъекта и самая личность человека как ее стержень. И в этом смысле любое творческое решение в науке, искусстве, жизни связано со страданием в широком смысле этого слова, т. е. какие-либо идеи надо выстрадать. Идеи окрашены волевыми эмоциями, они нанизаны на стержень личности. К каким-то безумным идеям человек приходит в результате, грубо говоря, безумных страданий, попадая в те сферы эмоционального, где эти знания действительно становятся выстраданными.

В этом плане позволю себе следующую ассоциацию. Мне показалось весьма интересным, как один священник выступал со своеобразной трактовкой первородного греха. Он говорил о том, что первородный грех не в том, что когда-то нагрешили наши предки, а в том, что, сорвав яблоко с дерева знаний и вкусив его, люди получили знания вне труда,

вне страданий. Вот, собственно, в чем грех. Любое знание является выстраданным, и в порождении этого знания были завязаны очень сильные эмоциональные движения и т. д. И вне работы эмоций что-либо говорить о картине мира достаточно бесполезно, так как это не база данных или, по крайней мере, это такая база, которая вся пронизана человеческими смыслами.

Еще одна проблема, которую бы я хотел обсудить. Метод семантического дифференциала — как одна из наиболее ранних и простых техник построения семантических пространств — появился на свет как побочный продукт исследований Чарльзом Осгудом феномена синестезии.

Феномен синестезии проявляется, в частности, в описании переживаний одной модальности на языке другой модальности. Мы говорим «бархатный голос», «кислая физиономия», «низкий звук» или «скука зеленая», описывая ощущения в терминах восприятия иной сенсорной данности. Механизм этих кросс-модальных связей обусловлен тем, что стимуляция поступает не только в свои проективные зоны мозга, но и по коллатералю аксонов стимулирует зоны иных модальностей. Мозг как бы стремится на основе восприятия одного качества, например зрительного, реконструировать целостный интермодальный мир. Так, имеются соответствия между определенными формами и определенными звуками или цветами. На этом построена цветомузыка (вспомним творчество Скрябина или Чюрлениса); на этом построены феномен звукового символизма, фоносемантика (вспомним поэтические опыты Хлебникова),

цветовая семантика (вспомним тест Люшера) и цветовые ауры, по которым экстрасенс определяет духовное состояние человека; графический символизм. Последний менее исследован, но все же учитывается при построении разного рода визуальных символов, товарных знаков и т. д.

По мнению американского психолога Лоуренса Маркса (Marks, 1975), синестезия является доязыковой формой категоризации, осуществляемой, так сказать, «на уровне организма» и присущей всему человечеству. Свет красных фонарей — универсальная приманка для возбужденной человеческой особи вне зависимости от ее национальной культуры, и даже для птиц, как показывают физиологические исследования, подсветка красным цветом помещения, где они находятся, активизирует работу семенников.

В этом плане классические исследования Ч. Осгуда, показавшие универсальность категориальной структуры семантического пространства (его известные факторы «Оценка», «Активность», «Сила») для представителей различных языковых культур, людей разного возраста и уровня образования, относятся к этому глубинному и, очевидно, генетически первичному уровню категоризации (см.: Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957). Действительно, если простейшее существо сталкивается с неким объектом, то самые элементарные ощущения — они же эмоции, ориентирующие его в мире, — заключаются в том, вызывает ли этот объект боль или удовольствие (фактор «Оценка»), насколько сильно это ощущение, связанное с воздействием объекта (фактор «Сила»), и как быстро из-

меняется это воздействие (фактор «Активность»). Интересно отметить, что содержание этих трех базисных факторов описания совпадает с теорией эмоций (чувств) Вильгельма Вундта, базирующейся на методе интроспекции.

Последующие исследования Ч. Осгуда (Osgood, 1964) показали, что семантические пространства, построенные для конкретных понятийных классов, оказываются производными от знаний субъектом данной содержательной области. Субъект может иметь высокую когнитивную сложность (число независимых факторов категоризации) в одной содержательной области и низкую в другой. Чарльз Осгуд в основном работал с групповыми матрицами данных и был ориентирован на поиск общепсихологических инвариантов, универсалий. В отличие от него другой выдающийся американский психолог Джордж Келли (Kelly, 1955, 2000) ориентировал свои исследования на отдельного субъекта, на реконструкцию индивидуальных познавательных структур, названных им личностными конструктами. Кстати, разработанный им способ построения семантических пространств, известный как метод «репертуарных решеток», успешно применяется в области инженерии знаний для экспликаций знаний человека-эксперта.

Наибольшее же распространение теория личностных конструктов Келли получила в психотерапии для описания изменения картины мира субъекта. Но как неповторим и уникален каждый человек, так и неповторима и уникальна его система конструктов, опосредующая восприятие и осознания мира и себя.

Строя семантические пространства, выступающие операциональным аналогом категориальной структуры человека, мы сталкиваемся с проблемой интерпретации факторов, кластеров, иных форм репрезентации его когнитивных структур, образующих несущие конструкции картины мира.

И проблема понимания личности другого, проникновения в его мир смыслов встает перед исследователем так же, как и в любом другом психологическом исследовании, будь то клиническая беседа или проективные тесты.

Сам Осгуд называл свой метод построения семантического пространства — «семантический дифференциал» — методом поддержанной интроспекции.

В контексте проблемы интерпретации психосемантический подход сталкивается с двумя формами непонимания его сути. Первый исходит от некоторых психологов, недолюбливающих формализацию и математику. «Все эти методы многомерной статистики, применяемые к обработке суждений испытуемого, использование компьютеров отдаляют исследование от собственно человека. Где же здесь психология?» — спрашивают они. К счастью, сама практика, богатство экспериментальных результатов, широта применимости методов психосемантики вербуют ее новых сторонников и апологетов.

Психосемантические методы реконструируют имплицитные картины, модели мира, присущие субъекту, которые он сам может и не осознавать, но которые актуализируются в «режиме употребления». В лингвистике есть понятия «*language compre-*

tence» и «*language performance*» — «знание языка» и «владение языком». Маленький ребенок может прекрасно говорить на родном языке, не осознавая его структуры (грамматики, синтаксиса). Но ведь если он порождает правильные грамматические конструкции, значит, он владеет некими правилами порождения, но они не осознаются. Аналогично взрослый человек, покупая (или не покупая) товары, голосуя за того или иного кандидата, оценивая свои и чужие поступки, выступает стихийным житейским «экономистом», «политологом», «этиком». Его имплицитные модели этих содержательных областей опосредуют вынесение частных суждений. Организуя последние в матрицы данных и подвергая статистическим процедурам, исследователь «вытаскивает на свет» их имплицитную структуру. Отдельные параметры семантического пространства: его мерность, мощность выделяемых факторов, их интеркорреляции, координаты анализируемых объектов в семантическом пространстве и т. д. — выступают операциональными аналогами когнитивных структур субъекта-испытуемого. Семантические пространства являются мощным многомерным инструментом анализа картины мира человека.

И здесь важно подчеркнуть, что вся эта достаточно громоздкая технология не настолько громоздка, когда вы можете работать с персональным компьютером и достаточно быстро строить семантические пространства. Эти пространства выступают не чем иным, как своего рода ориентировочной основой для эмпатии, встраивания в психику и сознание

другого человека или в самосознание, если вы с помощью этих семантических пространств начинаете анализировать собственное сознание.

Важно подчеркнуть, что если в соответствии с классической психометрикой, с которой в основном все сталкиваются (методики ММРІ, Кеттелла, Айзенка и т. д.), человека рассматривают как точку в пространстве диагностических показателей, то в экспериментальной психосемантике сам субъект выступает носителем смыслового, семантического пространства. В психосемантике человеку ставится в соответствие пространство смыслов, некий микрокосм, образованный облаком их позиций, и, прочитывая эту «нотную» запись личностных смыслов другого человека, исследователь дешифрует, реконструирует сознание респондента.

В классической психометрике субъект отвечает на множество вопросов, которые уже были сгруппированы в некие категории на основе шкалирования большой выборки других людей. Его данные как бы засовывают в «прокрустово ложе» общегрупповых структур, получая профиль личности, гистограмму, что математически аналогично фиксации точки в многомерном пространстве диагностических показателей — на основе группировки пунктов опросника по статистическим корреляциям, полученным на всей выборке. Но система конструкторов, опосредствующих мировосприятие данного человека, может разительно отличаться от неких общегрупповых норм, и, объединяя ответы испытуемого в структуры, выделенные на основе общегрупповой матрицы данных, мы совершаем насилие.

При этом процедура насилия осуществляется дважды. Что можно сказать о человеке на основе сырых баллов по тесту? Восемь баллов по шизотимии. Что это — много или мало? И человека опять сопоставляют со всей группой, всей выборкой, переводя сырые баллы в так называемые стеньги (от англ. «standart ten» — стандартная десятка») и тем самым находя его место среди других испытуемых в нормальном гауссовском распределении испытуемых по некоему качеству.

Процедура «втискивания» индивидуальных данных в некие статистические нормы, таким образом, задействована дважды — структурно и количественно.

В отличие от классической психометрики исследования по экспериментальной психосемантике являются более трудоемкими, но каждый субъект выступает носителем некоего уникального семантического пространства, в котором присутствуют и формальные параметры, облегчающие интерпретацию: мерность пространства или число независимых факторов, отражающих его когнитивную сложность в данной содержательной области; мощность выделяемых факторов, отражающих субъективную значимость данных оснований категоризации при восприятии какой-то содержательной области; интеркорреляции факторов и т. д. Наконец, множество этих объектов в семантическом пространстве — некоторое звездное небо, где каждая координатная точка отражает личностное отношение к какому-то единичному объекту, личностные смыслы. И все это звездное небо выступает средством эмпатии сознанию другого человека. Вся эта картинка

есть не что иное, как система ориентиров, реперных точек для встраивания в сознание другого человека. Я могу понять другого настолько, насколько в себе самом смогу смоделировать его систему конструкторов, реализовать это средствами своей психики. Кто-то из литературоведов писал применительно к «Братьям Карамазовым» Достоевского, что все его персонажи — это разные ипостаси личности самого Достоевского. Мы можем описать только то, что в состоянии сами пережить и прочувствовать.

В этом плане опишем иной аспект недопонимания психосемантики, присущий уже представителям точных наук, — это представление о том, что познание в гуманитарных науках может быть отчуждено от познающего субъекта (в нашем случае исследователя-наблюдателя) и смоделировано техническими средствами.

В противовес этому в герменевтике подчеркивается, что если естественные науки — науки о познании, то гуманитарные — о понимании.

В познании объект самотождествен, он не имеет внутреннего, качественного развития, и его преобразования подчиняются жестким законам. Вернее, время изменения самих этих законов столь велико, что можно пренебречь их эволюцией. Законы Ома или Бойля–Мариотта относительно времени эволюции Вселенной неизменны. Возможная же эволюция микромира (в ходе его наблюдения) порождает рассуждения о «понимающей физике» (см.: Назаретян, 1994).

В психологической же науке практически нет законов. Правда, описаны законы типа Вебера–Фехнера, Стивенса в психофизике, но это разговор о другом. Психофизика объектна по

своей сути и изучает реагирование организма на физический раздражитель, так что скорее это епархия биологии. Там же, где подключается сознание или его измененные формы, эти «законы» могут и не работать. Например, вызванный с помощью слова гипнотический транс может сделать человека нечувствительным к боли, «сняв» психофизический закон. В других же областях психологической науки практически невозможно найти формулировки законов. Феномены есть. Некие закономерности присутствуют. Но законов не найдете. И, я думаю, дело тут не в малом развитии самой психологической науки, а в специфике ее области исследования, где эта область — человеческая самость, другой человек, или социальная, этническая общность — непрерывно трансформируется, эволюционирует, изменяя свои «законы».

В психологии личности рассуждать о постоянном, самотождественном объекте познания заведомо некорректно. Человек обладает такими загадочными проявлениями, как «воля», «свобода выбора», «возможность духовного развития» и «творчества», сводящими на нет лапласовский детерминизм.

В рамках новой методологии синергетического движения посткласического подхода в философии личность выступает в ее становлении как веер возможностей. Гуманистическая психология подчеркивает: человек есть не только то, что он есть, а в большей степени то, чем он может и хочет быть. В этом смысле характеризовать человека можно не через набор его характеристических особенностей, а через тот веер его возможностей, который реализуем и который он сам себе

дозволяет, веер потенциальных траекторий жизненного пути, еще не ставших, не совершившихся. И в этом плане позволите проиллюстрировать эту мысль примером.

В свое время мы с В.В. Столиным проводили исследование на студентах-филологах. Я изучал женские стереотипы, а он проблемы семейной психологии. Основной запрос девушек-филологов к идеальному мужчине, будущему мужу или возлюбленному сводился к тому, чтобы «он был способен ее понимать». Спрашивается, что надо особо такого понимать? Что, собственно, можно не понимать у людей, которые только что закончили школу, имеют минимум индивидуальной биографии и т. д.? Фактически под этим запросом стоит следующее: чтоб этот «идеальный», мудрый, сильный, все понимающий человек, помог ей найти, открыть саму себя, выбрать тот личностный путь становления или ту модель женского поведения, о которых она сама еще не ведает, чтоб среди возможных альтернатив еще не ставшего, не реализованного он помог ей найти свой истинный путь — свое «ДАО». Это, скорее, запрос Галатеи к своему Пигмалиону.

В этом плане психология — наука о понимании. Во-первых, работа

психолога — это на 90% технологии, а не концептуальные схемы. Это психотехники обучения, психотерапия, исследования общественного сознания и проведение фокус-групп, суггестивных психотехник, социальных техник организации групп, техник введения в измененные состояния сознания и т. п. Концептуализация и попытки реконструкции психических механизмов — это лишь маленькая прослойка психологической науки.

Если же исходить из широкого спектра реальных психологических задач, то большая часть их заключается в помощи осознания собственных проблем, расширении сознания пациента и, как следствие, расширении спектра возможностей. Это фактически конструирование треков возможных форм реализации, помощь людям в движении личностного становления или становления группы, коллектива, социума.

Картина мира субъекта, таким образом, раскрывается через становление самого субъекта, в широком контексте его смыслообразования «еще не ставшего бытия», в контексте малоизученной категории судьбы, а может, и в ее преодолении. Ибо эволюционируют не только наши знания о человеке, но и он сам в ходе осознания самого себя.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1, 2. 1995.

Артемова Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.

- Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Келли Дж.* Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб., 2000.
- Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1997.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание, Личность. М., 1977.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Лурия А.Р., Виноградова О.С.* Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». М., 1974.
- Москович В.А.* Информационные языки. М., 1971.
- Назаретян А.П.* Интеллект во вселенной. М., 1994.
- Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.
- Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М., 1997.
- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма // Психологический журнал в психологической науке. 2002. № 3. С. 113–121.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.
- Похилько В.И., Федотова Е.О.* Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 151–157.
- Степин В.С.* О прогностической природе философского знания // Вопросы философии. 1986. № 4.
- Ушакова Т.Н.* Речь: истоки и принципы развития. М., 2004.
- Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
- Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.
- Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.
- Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. М., 1987.
- Bruner J.S., Tagiuri R.* The perception of people // Handbook of Social Psychology. 1954. Vol. 2.
- Cole M.* Introduction // Journal of Russian and East European Psychology. 1993. Vol. 31. № 2.
- Kelly G.A.* The psychology of personal Constructs. N.J., 1955.
- Marks L.E.* On colored-hearing synesthesia: cross-model translations of sensory dimensions // Psychological Bull. 1975. Vol. 82. № 3.
- Osgood Ch.* Studies on generality of affective meaning system // American Psychology. 1962. Vol. 17.
- Osgood Ch., Suci P.J., Tannenbaum P.H.* The measurement of meaning. Urbana, 1957.
- Petrenko V., Mitina O.* The Psychosemantic Approach to Political Psychology // States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on contemporary Issues in Psychology. D. Halpern & A. Voiskounsky (eds.). New York: Oxford Univer. Press, 1997. P. 19–48.